ЯКОВ СЁМОЧКИН
ЭРА ТОТАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ
ЗДЕСЬ.

Яков Сёмочкин

ЭРА ТОТАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

ЯКОВ СЁМОЧКИН

ЭРА ТОТАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

Новосибирск
MMXX

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

С30 Сёмочкин Я. Эра тотального счастья. — Новосибирск: Здесь, 2020.— 84 с.

ISBN 978-5-6043929-1-1

© Сёмочкин Яков, 2020.

ISBN 978-5-6043929-1-1
9 785604 392911

ЭРА ТОТАЛЬНОГО, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ КРИК ПРИГОВОРЁННОГО К СЧАСТЬЮ

Яков Анатольевич Сёмочкин, достигший поэтически водораздельного возраста в 37 лет — хорошо знакомый новосибирцам автор. Хорошо знакомый «на слух» и «на глаз» — но пока что ещё почти совсем не читанный. Его первая книжечка «Три четверти», вышедшая в 2010 году совсем скромным тиражом, не могла удовлетворить массового читательского интереса и теперь стала библиографической редкостью.

Сборник, который Вы держите в своих руках, как раз призван заместить этот досадный пробел и донести до широкого читателя стихотворения нашего современника. Яков Сёмочкин — поэт, историк, преподаватель, автор и ведущий различных культурных проектов — от музыкально-поэтических вечеров до интеллектуальных игр. Активный участник многих лито и литклубов Новосибирска.

Среди ярких проектов последнего времени с решающим участием Якова — «Поэтическая поляна», «Лига Свободных Авторов», День авторской песни в НГОНБ. Скажем, при выпуске первых двух томов «Поляны» Сёмочкин выступил одним из редакторов этих сборников. Он также — постоянный ведущий больших отчётных концертов «Лиги Свободных Авторов», различных мероприятий авторской песни.

Яков — великолепный мелодекламатор, чтец от Бога, настоящий мастер подачи стихотворного текста. Не в пример иным поэтам, Яков действительно умеет читать свои стихи! Каждый слушатель и зритель находит в этом представлении что-то своё: поэтику, мелодику, ритмику, артистизм исполнения, харизматичную авторскую подачу.

Но оставим в покое публичные выступления. Сегодня перед нами — книга, существо, говорящее от имени автора очень многое, и в то же время — чрезвычайно молчаливое. Напечатанные, стихи Якова Сёмочкина особенно ценны тем, что они призваны не выкричать сами себя, а — заставить читателя отвечать, со-чувствовать.

Я недаром упомянул в первом же предложении возраст автора. Человек, рождённый в последние недели правления Брежнева — принадлежит

к последнему советскому поколению. К тому самому, которое воспитывалось и готовилось жить ещё в ТОЙ стране, в той реальности — а вынуждено выживать в ЭТОЙ. По сути своей трагическая лирика Якова Сёмочкина — это тихий крик поколения, разомкнутого сломом эпох, крахом устоев и парадигм.

Лирический герой Якова — тот самый выросший довлатовский «юбилейный мальчик» Лембит-Володя — человек, обречённый на счастье. Занавес рухнул, оковы сбиты, скрепы разомкнуты, плотина прорвана — и вот оно хлынуло водопадом, селем, лавиной — тотальное, всеобъемлющее, безжалостное счастье, от которого некуда скрыться. Тем более, не скрыться от него нашему лирическому герою — интеллигенту, горожанину, одиночке. «Интеллигенция в веках // Беспомощностью знаменита», «Ну а пока в моих глазах жива // Беспомощная грусть интеллигента» — констатирует персонаж эры Тотального.

Эта эра Тотального вообще — раздавила индивидуума. Глобализация, всеобщая информатизация коснулись не только экономики — они полностью перекорёжили сам уклад нашей жизни, весь образ мыслей. И с каждым новым не то что поколением — даже треть-поколением друг от друга отплывают всё дальше эти — новые, наши дети, и те — мы, герои Якова Сёмочкина.

Читая впервые подборку этой книги, я с первых же стихов вспомнил персонажа легендарной пьесы Эрдмана «Самоубийца» Подсекальникова, который умолял совсем о немногом:

«...Мы только ходим друг к другу в гости и говорим, что нам трудно жить. Потому что нам легче жить, если мы говорим, что нам трудно жить. Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шёпотом: «Нам трудно жить». Товарищи, я прошу вас от имени миллиона людей: дайте нам право на шёпот. Вы за стройкою даже его не услышите. Уверяю вас. Мы всю жизнь свою шёпотом проживём».

Нам — трудно жить, и об этом — шепотливый крик поколения, которое олицетворяет интеллигентский герой Сёмочкина. Среди шума современности кажется даже, что не шепотливый, а вовсе беззвучный крик — тот самый, «Крик» Мунка.

Это поколение, обретшее благополучный бытовой мир, лишилось главного — идеалов. Именно поэтому оно, по меткому выражению Поэта, бо-

леет «ностальгией по будущему» — тому самому будущему, у которого были чёткие, радужные и огромные перспективы — коммунизм, цветущие на Марсе яблони, космолёты на дейтерии, мир во всём мире — и которого никогда не случилось и уже не случится.

В 90 лет Рэй Брэдбери дал интервью «Аргументам и фактам». На вопрос о том, почему не сбылись многие его научно-технические предсказания, писатель ответил:

«... потому что люди — идиоты! Они сделали кучу глупостей: придумывали костюмы для собак, должность рекламного менеджера и штуки вроде айфона, не получив взамен ничего, кроме кислого послевкусия. А вот если бы мы развивали науку, осваивали Луну, Марс, Венеру... Кто знает, каким был бы мир тогда? Человечеству дали возможность бороздить космос, но оно хочет заниматься потреблением — пить пиво и смотреть сериалы». Об этом обнулении системы ценностей — боль героя новой книги Сёмочкина.

«Музыка кончилась» — название ещё одного стихотворения как девиз, как лейтмотив жизни очередного потерянного поколения. «Моя жизнь — это берег слоновой грусти»,— говорит один из них, и признаёт, что эта спасительная грусть заменила собою прошлую искреннюю человеческую радость:

Грусть — это роскошь аристократа, доступная всякому,
Но не всякий это поймёт.
Люди хотят радоваться, веселиться,
А грустят лишь по необходимости, по случаю,
Но мгновения этой необходимости часто бывают лучшими,
Лучшими в нашей торопливой жизни...

Эта грусть вынужденно возведена героем в квадрат, в куб, в абсолют:

Смеха комната пустует,
Страха комната полна.
Говорят, что существует
Плача целая стена.

И вот он, наш окружённый тотальным счастьем одинокий герой, интеллигент, умница, творец и провидец — обнаружил, что оба спасительных берега — прошлого и будущего — невозвратимо разошлись, опереться не на что. Живущим вокруг, таким же одиноким в урбанистической фата-мор-

гане, не до его талантов и провидений. Для его дарований нет адресатов. И это очерствляет, огрубляет наши обнажённые и обожжённые эпохой души:

Уже не видишь боль других людей,
Уже не слышишь искреннего смеха,
Быт обнимает ровно, без затей,
Как шуба из искусственного меха.
За равнодушье, вшитое в меня,
Мир платит равноценною монетой.
О, Диоген, не зажигай огня!
Здесь много неестественного света.

Поколенческая трагедия, столь пронзительно раскрытая в этой книге, заключается в том, что нашим героям противостоит не ад, не чума, не вороги и стихии, не половцы и печенеги. Им вообще ничего и никто не противостоит! Напротив, эра Тотального предоставляет все возможности, все пути-дороги — на, бери, живи, реализуй, ешь-пей-разгуляй! И все эти дороги ведут в никуда, потому что они не ведут к идеалам. Эра Тотального принесла новые стандарты, новые нормы жизни, при которых нам дано всё «слишком человеческое» и при которых совершенно не надобна душа:

Но я до аномальности нормален, живу в реальном и стандартном мире,
Где все мы обитаем мал-помалу и где душа давненько не болит.

В мире всеобщего потребления и употребления герой из прошлого — атавизм:

Я, живущий на свете
В мире под ипотеку,
Разминулся нелепо
С восемнадцатым веком.

Под «восемнадцатым» здесь можно понимать любой прошедший век. В веке пришедшем, наступившем на нас своим тотальным, неизбывным счастьем, герой, лишённый идеалов, мечется в бессильной панике в поисках основы под ногами. С утратой коренной веры, за поиском этой основы герою уже всё равно, к кому обращаться:

Боже, Аллах, Дед Мороз, Санта-Клаус,
Дайте хотя бы какой-то закон!

Другой наш автор-современник, Игорь Растеряев, предельно сформулировал этот запрос в своей песне: «Дайте русскую книгу, как жить?!». Но запросы эти бесплодны, и герой стихов Сёмочкина неизбежно приходит к сизифову труду — вы прочтёте об этом в стихотворении «Мы пилим».

При всей апокалиптичности поэтики этого сборника необходимо отметить, что его автор — мастер лирического бытописания. Как ни странно, это столбовое для русской поэзии направление сегодня слабо представлено у молодых авторов, склонных к формальному эпатажу, тянущихся за эфемерной модой на заимствованные слова и темы. Простые по форме, глубокие по содержанию, бытописания Якова иногда ироничны, иногда грустны, иногда романтичны, но никогда — не озлоблены, в них нет столь частой у нынешних поэтов ненависти, нигилизма, а есть мудрое приятие сложности и многообразия окружающего мира:

Я бросаю пельмени в кипящую воду.
В это время вождей выбирают народы,
В этот миг происходят кровавые фарсы
(Попадает Земля под влияние Марса)

<...>

Мне сейчас мировые проблемы до фени:
Очень хочется жрать... Всё, готовы пельмени!

И, конечно же, не обошлось здесь без чистой, высокой, прекрасной лирики, поднимающей поэзию Сёмочкина до лучших образцов русского стихотворчества:

Сделав крылья из ветоши,
С крыши ввысь сигануть —
Вот он, чистый, без ретуши
Человеческий путь.

Не блаженный юродивый,
А нормальный вполне,
Не одно полугодие
Пролетал я во сне.

Остаётся сказать, что Яков Сёмочкин — Поэт разноплановый и большой (в том числе, вышел он и ростом!), и каждый читатель найдёт у автора что-

то максимально «своё», наиболее родное своим мыслям, своей душе. Автору этих строк особенно близки лирические переживания героя стихов Сёмочкина, связанные с размышлениями о Родине и её истории, об истории своей семьи и о нашем общем вкладе в тот вековой созидательный труд, благодаря которому живёт и развивается русская культура — вопреки и несмотря ни на что:

Мой дед был плотник, и в родном селе
Рубил он «в лапу» избы и сараи:
Они стоят и нынче на земле,
И до сих пор о нём напоминают.

<...>

Я внук его. Я в городе живу,
Преподаю историю и право,
Стихов узоры весело плету,
И быть довольным всем имею право.

Но по ночам порой один вопрос
Внутри меня скребёт и сердце мучит:
«Василь Егорыч, виден мой покос?»
Ответа нет, пока что не получен.

Он и не может быть «получен» — он может быть только дан. Эра Тотального, если ещё не сомкнулась вокруг нас, то уж точно и безоговорочно встала на пороге, железной пятой неумолимо долбит в дверь, укрыться некуда — и надо держать ответ. Вот он, ответ этой эре — новая книга стихов Якова Сёмочкина.

Павел Куравский,
член СП России, член СЖ России

* * *

«Или, Или, лама савахфани, — отпусти в закат»...
Как Христа, красноармеец бьёт к стене плакат.
Алой кровью растекаясь, льнёт кумач к бревну,
Расстреляют меня, чую, нынче поутру.
Мирно дремлет бронепоезд меж ночной поры,
Дед-обходчик из кисета сыплет мне махры,
Говорит: «Не дрейфь, братишка, что тут унывать —
Все там будем, дважды вряд ли смогут расстрелять».
Я сижу в избе на лавке около печи,
Часовой в углу напротив разложил харчи:
Луковка, отрезок сала, чёрного кусок,
Для удобства штык отставлен рядом в уголок.
Часовой вздыхает грустно: «Щас бы первачку!
Эй, дедунь, на кой ты контре сыплешь табачку?
Дай-кась мне», и дед покорно подаёт кисет,
А затем он в керосинке тушит на ночь свет.
Темнота...И мысли бродят в голове гурьбой,
Вспоминается вчерашний неудачный бой,
Как на станции Сосновка наш полёг отряд.
Да и я на свете белом заживусь навряд:
Мне сегодня на рассвете подведут итог.
В это время в Петрограде умирает Блок —
«Красным» он главу поставил в «венчике из роз»,
Только вот кого, скажите, расстрелял Христос?
Он своей святою кровью искупил грехи,
На крови на нашей строят рай большевики...
Утро бледною полоской льётся сквозь стекло,
Со двора: «Кончайте контру! Выводи, Павло!»

* * *

И третья справа тоже не она!
Вот смехота от детских фотографий,
В метаморфозах жизнь заключена,
У времени весьма суровый трафик.

Сандали, пухлый рот, округлость щёк,
Бант белый, руки строго на коленках…
С тех пор прошёл совсем недолгий срок,
Но разве различишь в малышке Ленку?

Невинность ей в синоним не пойдёт,
Пишу в когорту роковых красавиц.
Быть может эсэмэску мне набьёт
Её гламурно-маникюрный палец.

Меняемся и внешне и внутри,
А в лучшую ли сторону? Едва ли…
Как можем создаём свои мирки,
Которым часто не хватает стали.

Без жалости их время разобьёт,
Но сетовать о том смешно и глупо,
Коль день мой безалаберно пройдёт,
К нему не отнесусь я слишком скупо.

Налью себе в бокал чуть-чуть вина,
Взгляну в окно, где лист роняет осень,
И, улыбнувшись, вспомню имена,
Что память мне услужливо подносит.

* * *

«Яша, ты же в сущности ребёнок!» —
Девушка сказала как-то мне.
Я давненько вылез из пелёнок,
Но согласен с мыслью той вполне.

Хорошо ли, плохо — знать не знаю,
Но в себе я детскость сохранил:
По ночам ещё во сне летаю,
Пусть и ростом бог не обделил.

Может, задержался я в развитьи —
Питер Пеном современных дней?
Детским взглядом вижу, извините,
Только доброту в сердцах людей.

Всё считаю, что людей хороших
В жизни много больше, чем плохих, —
Оттого порой бывает горше
Мне разочаровываться в них.

Может, это кажется наивным —
Верю в сказки я и чудеса,
Верю: если хочешь очень сильно,
То не нужно закрывать глаза,

Чтобы наяву волшебной силой
Вдруг сбылась заветная мечта,
Чтобы горизонт твой осветила
Чистая, простая красота.

Говорят, что трудно жить на свете
С детскою распахнутой душой.
Что могу ответить я на это?
Да, наверно. Только нет другой.

* * *

Несерьёзные мысли в моей голове
Отрицают возможность влиянья извне.
Неповязанный галстук на шее моей
Выражает свободу от умных идей.
Для шагающих вместе плохой я партнёр,
И для массовых сцен никудышный актёр.
От дождя я, как все, не укроюсь под зонт,
Босиком по росе я уйду в горизонт,
И всё, и точка!
Я — одиночка!
И всё, без грусти
Скажите: «Отпустим.
Отпустим его
Туда, где только синее небо,
Туда, где коровка божия с хлебом.
Лети, лети!»
Паруса жёлтых штор на оконном стекле
Открывают простор сумасшедшей мечте.
Рюмка водки вовнутрь порождает тепло,
Нежелание спать — оттого, что светло.
Телевизор отключен — нет новостей.
Собираются тучи — скорее, скорей!
Я дождя ожидаю и выбросил зонт,
Босиком по росе ухожу в горизонт!
И всё, и точка!
Я — одиночка!
И всё, без грусти
Скажите: «Отпустим.
Отпустим его
Туда, где только синее небо,
Туда, где коровка божия с хлебом.
Лети, лети!»

* * *

Чем контрацепция души нарушена?
Кропаешь в книжечку стишки (отдушина?),
Воображаешь, чай, себя богемою,
А всё нутро горит огнём, гангреною!

Его порезать, покромсать по самые,
А ты бросаешься спасать дацанами
Иль философией какою модною,
А нужно в карцер, в погреба, в холодную!

Успокоения цена известная —
Горизонтальная, довольно пресная,
А раздражение за вертикальную,
За кровопускную, за цепь кандальную.

А к раздражению в довес бессонница,
А раздражение в копытах конницы —
Той, что несётся по судьбе — по улице —
И заставляет от испуга жмуриться.

А к раздражению вдобавок зрение,
Что не застелешь самым льстивым пением,
А раздраженье пишет правды повесть,
А к раздражению прикладом — совесть.

Что покупать, что продавать — смотри, оценивай.
Эй, Сашка, где твои вихры поры лицеевой?
Поистрепались на ветру, в снегах разбросаны…
А кто покой купил — живут, обросши космами.

Кто что купил, а кто продал — закон торговый,
А что поэт дотла сгорал — сюжет не новый.

* * *

Под ногами вертится Земля —
Так же, как в эпоху Галилея,
Только инквизиция слабее —
Злые нынче ветры февраля,
Будто вознамерились они
Сдуть меня досрочно с карты мира...
У меня на теле мало жира,
И пальто отнюдь не из брони,
Так что шансы в небо улететь
Высоки, как рейтинг президента,
Только близость этого момента
Мне б хотелось всё ж преодолеть.

* * *

В. Высоцкому

Коль веку послушен — изволь уж за ним по пятам,
Здесь нет колеи: бездорожье, ухабы да хляби,
И кони несут то ли к ангелам, то ли к чертям,
А вслед — только взгляд безнадёжной тоски русской бабы.

Резон в этом есть — в унисон, как струна, прозвенеть
Со всем, что вокруг, и сорваться в звенящем натяге,
Суметь своё время подставить под высшую плеть,
Но быть ему верным, как будто солдатской присяге.

Ты временем жил — это в песнях услышать легко:
Приметы советского быта эпохи застоя,
Но, вечностью интуитивно влеком,
В стихи свои внёс непонятное что-то такое…

И здесь уже времени нет. Отступает покорно оно.
Неважно, в двухтысячных ты или в семидесятых, —
Поля для влюблённых постелены бедам назло,
И лапы у елей дрожат, и дружество свято.

Здесь нет парадокса, и если найдётся строка,
Которой твой гений хоть как-нибудь распознается:
Ты — века поэт и при этом поэт на века,
Что редко кому из творцов совместить удаётся.

* * *

Я бросаю пельмени в кипящую воду.
В это время вождей выбирают народы,
В этот миг происходят кровавые фарсы
(Попадает Земля под влияние Марса),
В этот час прибывает стремительно кризис,
Цепенея от ужаса рушится бизнес,
Очень быстро растёт населенье Китая,
А озоновый слой всё стремительней тает,
Бездуховности тлен разъедает планету…
Только я приготовлю отнюдь не котлету,
Не рагу и не борщ, а в приступе лени
Побросаю в кастрюлю быстрее пельмени!
И пока в кипятке я мешаю их ложкой,
Наркотический трафик разбух точно дрожжи,
Интернет разбросал социальные сети
(Точно мошки, в них вязнут сильней наши дети),
Миллиарды людей не найдут пропитанья —
Не совсем справедлив, знать, закон мирозданья!
Только я о нём думать забыл. По-тюленьи
Я с восторгом гляжу, как всплывают пельмени…
Мне вопрос философский задать вы хотите:
«Почему же пельмени? И в чём суть событья?»
Я отвечу вам честно, за правду радея:
«Блюд сложнее готовить, увы, не умею».
Мне сейчас мировые проблемы до фени:
Очень хочется жрать… Всё, готовы пельмени!

* * *

Последний ряд и первый шанс,
А может, и последний?.. К чёрту!
Ильф и Петров — про их альянс
Смотрю с серьёзнейшею мордой,
А взгляд косится на тебя,
А мысль — «места для поцелуев...».
Призывно ангелы трубят,
А может, бесы в дудки дуют
И метко бьют в моё ребро
Своим отточенным копытом.
Я, как в ломбард, несу добро,
А встречен вывеской «Закрыто!».
А хочется касаться рук, и губ,
Et cetera, и дальше,
А хочется сердечный стук
Сливать с твоим без ноты фальши,
И в океан твоих волос
Врываться носом, как корветом,
И быть Колумбом, что принёс
Себе знакомство с Новым Светом...
Но тяжела моя рука,
Как будто бы свинцом налита —
Интеллигенция в веках
Беспомощностью знаменита!
За целых полтора часа —
Ни на плечо, ни на колено!
Пытался отыскать в глазах
Ключи к загадочной Вселенной...
Закончился киносеанс,
Иду с тобой на остановку.
Наверно, в следующий раз —
И в щёку тыкаюсь неловко.
Тяжка смиренная любовь,
Себя смирять мне очень сложно,
Коль шанс представится мне вновь —
Не буду ждать я слова «можно».

* * *

Сделав крылья из ветоши,
С крыши ввысь сигануть —
Вот он, чистый, без ретуши
Человеческий путь.

Не блаженный юродивый,
А нормальный вполне,
Не одно полугодие
Пролетал я во сне.

Но полёты морфейные,
Что морфийный экстаз —
Невзаправду, шутейные,
Счастья в них лишь на час,

А проснёшься — и на тебе:
Пригвождённый к земле,
Точно предан анафеме,
Виснешь в жизни-петле.

Нет! Мечта — не полушка,
Не идёт на размен,
На кривой раскладушке
Не прощает измен.

Так что крылья налаживай
Из подручных вещей —
И смелее, отважнее
Шаг свой делай скорей!

* * *

Ностальгия по будущему —
Это сладость возможного.
Время сказочным чудищем,
Склонным всё подытоживать,
Поедает с ладони
Судьбы ответвления,
Оставляя на фоне
Лишь одно направление.
Обедненье мечты —
Посекундное дело,
Все «чуть-чуть» и «почти»
Исчезают в пределах,
В гранях небытия,
В невозможности, в прошлом,
Как кусочки тебя
В оформлении пошлом.
Вот поэтому нас
Так влечёт к себе разность,
Вечный завтрашний шанс —
Шанс на разнообразность.
Списки альтернатив,
Пусть туманных и ложных,
Наш последний актив
В спорах с вечностью сложных.

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ

Холодно, темно. На остановке
Я стою, пожалуй, полчаса.
В целях моих нервов тренировки
Транспорта не шлют мне небеса.

Рядышком в корыстном ожиданьи
Светом фар мне бьёт в глаза таксист,
Но напрасны все его старанья:
Кошелёк мой девственен и чист.

Лишь в кармане бряцает унывно
Мелочью — пятнадцать двадцать пять.
Алкоголик на бутылку пива
У киоска тужится собрать.

Я стою. Мне грустно и досадно,
Холод лезет мне за воротник,
Зябну в прозябанье безотрадном,
Мёрзлой головой совсем поник.

Мыслей перебрасывая льдинки,
Я переминаюсь на ногах...
Возникает вдруг в мозгу картинка:
Плещется в джакузи олигарх.

Олигарх в моём фантомном мире
Греет спину на песках Бали,
Там, на райском острове, четыре
Есть гектара у него земли.

А за сотни миль по океану —
Танкеров угрюмый караван
Нефть увозит в западные страны,
Олигарху весь доход в карман.

Для того ль в военную годину
Ел народ крапиву и щавель,
Чтоб теперь богатая скотина
Ставила на уши Куршавель?!

Чем, каким неведомым талантом
Олигарх всё это заслужил:
Самолёты, яхты, бриллианты
И собранье островов и вилл?

Может быть, коммерческий он гений?
Может, производство он развил?
Недра воровал, не зная лени!
Воровал он, не жалея сил!

Ну а я — профессию учитель
В университете получил.
У него теперь «Норильский никель»,
У меня же — язва и кефир.

Я читал Руссо и Песталоцци,
Детям прививал патриотизм,
Он — футбольным «аглицким чухонцам»
Даровал бабло и оптимизм.

Зависть унижает человека,
Как и жалость к самому себе,
Но в разгар коммерческого века
Зреет мысль о классовой борьбе.

«Жизнь ко всем должна быть справедлива!» —
Лозунг мой воистину велик...
«Мне б, братишка, два рубля на пиво» —
Алкоголик предо мной возник.

Вновь в холодный сумрак остановки
Он меня безжалостно вернул,
Но моей активной установки,
Размышлений ход не повернул!

Не в потачку алкогольной тяге,
А гордыни обуян грехом,
Сгрёб я мелочь, отдал бедолаге
И домой отправился пешком.

* * *

Границы разрушены — полный разгром,
Наполнены души убийственным страхом,
Враги ворвались и насилуют жён,
Святыни и храмы поедены прахом.

«Забиться в углу, отсидеться, спастись», —
Предательски шепчет трусливая сущность,
Но жизнь на коленях ведь это не жизнь,
А доля раба — не лучшая участь.

И пусть нет друзей, и оружия нет,
И выиграть битву никак невозможно,
Но мы ведь живём не во имя побед,
А чтоб провести грань меж правдой и ложью.

Пусть принципы нынче не очень в чести
И кто-то считает их анахронизмом,
Но всё же есть край, за который уйти —
Сломать пополам стержень собственной жизни.

Поэтому я откопаю свой меч,
Зарытый на свалке в часы малодушья,
И стану рубить вражьи головы с плеч,
И не отступлю, и больше не струшу.

И даже когда от ударов врагов
На землю падёт бездыханное тело,
Я буду доволен: из страха оков
Я вырвался — это великое дело!

* * *

Плюётся страстью эта ночь,
А я бессилен и безгрешен.
Так хочется любить и мочь,
Так хочется карать и вешать!

Стерильны наши времена,
Хоть окаянства повседневны,
Но где дела и имена?
А подлость вяло и степенно

Проникла потихоньку в кровь
Творящих зло в холодном стиле.
Где ненависть и где любовь?
За стенкой, в тёпленькой квартире?!

Да бросьте! Это суррогат,
Эрзац от истинного чувства.
Наполеон, маркиз де Сад,
Где вы?! Всё сплюснуто и тускло.

И я, увы, такой, как все,
И пошлость мир мой наполняет
И майкою с портретом Че
Бунтарство в фарс преображает.

Я погрязаю в пустяках,
В ежеминутном копошенье,
И нет простора даже в снах
Для подвига и преступленья.

Один из тысячи «ничто»
В стандартной жизненной раскладке,
А моль, побившая пальто, —
Фигура моего порядка.

Плюётся страстью эта ночь,
А утро снова будет тусклым.
Ничто не сможет нам помочь —
Предателям мечты и чувства.

* * *

Недостатком тестостерона
Объясняю отсутствие волос на груди,
На это же списываю невозможность
Принудить её к ответной любви.

Играть на гитаре я не умею,
Не знаю, минус это или плюс,
После бритья не использую крема —
Раздражения кожи не боюсь.

Способность мыслить пока не утратил,
Но со временем изживу этот атавизм.
Хотел бы быть метросексуалом,
Но с трудом зарабатываю на жизнь.

К труду вообще отношусь иронично —
Прости, дорогой товарищ Маркс!
Задумываюсь порой о женитьбе и детях,
А также о судьбах народных масс.

Не люблю ажиотации и пафоса,
А также панибратского похлопывания по плечу.
Не люблю митинги и демонстрации
И участвовать в них не хочу.

Мой взгляд на мир достаточно прост,
Но в нём имеются замороченные детали:
Аэртон Сенна круче, чем Ален Прост,
Но это к слову, чтобы вы знали.

Чтоб не свихнуться, свожу на «ха-ха»
Свои несвоевременные кислые мысли.
Уныние кем-то отнесено к грехам,
Да не пополню грешников числа!

* * *

Моя жизнь — это берег слоновой грусти.
Грусть у слона длинная, мудрая,
Такая же длинная, как его хобот,
Такая же мудрая, как его взгляд.
Грусть — это вовсе не проявление трусости,
Грусть — это тонкий и сладкий яд.
На грусть подсаживаешься, как на наркотик,
Длинными осенними вечерами, с хорошей книгой,
Или проезжая в трамвае по зимней улице
И рассматривая зажигающиеся окна чужих домов
Сквозь оттаянный твоим дыханием кружок стекла.
Грусть не зовёшь специально, чтобы она пришла,
Но она приходит, садится напротив
И долго, внимательно всматривается в твои глаза.
Грусть — это роскошь аристократа, доступная всякому,
Но не всякий это поймёт.
Люди хотят радоваться, веселиться,
А грустят лишь по необходимости, по случаю,
Но мгновения этой необходимости часто бывают лучшими,
Лучшими в нашей торопливой жизни...
И вот слоны стоят на берегу океана
И всматриваются в бесконечную даль:
«Грустно, братья, грустно!»

* * *

Пастухи и пастушки
Из театра барокко —
Простаки и простушки.
Идиллический локон,

Аркадийский бельканто,
Выводящий рулады,
Уводящий куда-то
От ненужной мне правды.

Короли и флейтисты
В париках и мундирах,
Графы-авантюристы —
Тени чудного мира.

Пасторальная пьеса,
Бриллианты партера
И нахальный повеса —
Точно сон и химера...

Я, живущий на свете
В мире под ипотеку,
Разминулся нелепо
С восемнадцатым веком.

* * *

На песке след пустоты
Различаем мною явно.
Сняты зимние посты,
Ощущаю себя равным.

Я равняюсь пустоте,
А она равна началу.
Слово брошено во тьме:
«Бог» — вот так оно звучало.

Вывод: богу равен я —
Это просто транзитивность.
Через слово бог в меня —
Высшей наглости наивность!

Математика ума,
Игры разума — не больше.
Пир идёт, а где чума?
Да, наверно, где-то в Польше!

Запад или же Восток —
Это только выбор знака.
Мир — сознания поток,
И со мною он иссякнет.

Вот весна — начало, жизнь.
Значится конец зимою?
Но из всяких логик из
Перед первым ем второе.

Лишь сегодня осознав
Беспричинность всех традиций,
Принимаю свой устав
И готов с собой мириться.

Направления дорог
Неизвестны — и не нужно!
Есть в отечестве пророк и порок,
Сырок есть «Дружба»!

Всё смешалось в голове
Раздражительно и буйно.
Богу богово, а мне...
Санитар, кровать и судно.

* * *

Я нахожусь здесь. Здесь и сейчас.
Смутно желание есть — ужина час.
Сумерки смотрят в окно с той стороны,
Мой упирается взгляд в сердце стены.

Сердце стены — циферблат. Времени ход
Падает стрелкою вниз, точно как мёд
С ложки десертной на стол. Пальцем собрать —
Ну а теперь можно в рот и облизать.

Время съедает всех нас — это закон,
Я поедаю его. Я царь времён!
Это похоже на бред: время во мне
Сверх двадцати восьми лет (бонус извне).

Без наркотических средств. Всё наяву.
Если пойдёт через край — значит, умру.
Только, как губка, впитав сотню веков,
Я наконец осознал слабость оков,

Слабость оков бытия — им не сдержать
Мысли, что может летать к небу и вспять.
И, наливаясь сильней соком времён,
Я понимаю свой смысл, каждый микрон,

Каждую мелочь в себе. Здесь и сейчас,
Ныне и присно, вовек длится мой час!

* * *

Когда снежинки с чёрного пальто
Переродятся в мокнущее что-то,
Я с чаем, ложкой, йогуртовым тортом
Засяду в кресле, чтоб смотреть кино

Вечернее, бессмысленное, как
Надежда на внезапное наследство,
Какого не бывало в нашем детстве,
Которому и «минус» — сильный знак.

Но мне сейчас не хочется труда,
Я вытянул нахоженные ноги,
Я отключил меню из чувств и логик —
И бред с экрана не несёт вреда.

Мелькает телевизор синевой,
Свет в комнате заранее отключен,
Тепло, дремотно и ничто не мучит,
«Медвежесть» сна нависла надо мной.

На улице устроилась зима,
Там холодно, темно, и неизвестность
Заполнила до дна собою местность —
Она довольно прочная тюрьма,

Попытки бегства из неё напрасны,
А я и не бегу, я здесь, внутри…
Что освещают эти фонари:
Сугробы или нашу непричастность?

Подумаем об этом вдругорядь,
Как нас учила Скарлетт, мисс О`Хара.
Мы обладатели бесценнейшего дара —
Бессовестно и крепко засыпать.

Зима, снега, кино, сонливость, совесть —
Случайное собрание вещей,
Над коим мозг мой чахнет, как Кощей.
Окончу же бессмысленную повесть.

* * *

Эра тотального счастья
Откладывается на неопределённый срок.
Что, горемыка Данила-мастер,
Никак не даётся каменный цветок?
Как ни старайся, а есть изъяны,
Шероховатости лезут и червоточинки,
Краткое счастье только у пьяных
Да у влюблённых, но тоже непрочное.
Нет совершенства, ну что тут попишешь,
Даже на ниве технического прогресса.
Универсальный секрет все ищут,
Вгоняют себя в психические стрессы,
А счастья нет. Зеро. Нуль.
Дырка от бублика, и всё тут.
Вцепиться бы в счастье, как питбуль,
Свести бы со счастьем счёты.
Но то ли челюсти поражены
Цингою потери цели жизненной,
А то ли мозги повреждены
Рефлексией тоски обездвиженной.
И ведь близок локоть. Лишь пять минут —
Обрушится счастье девятым валом.
Но, видимо, это сизифов труд —
Погоня за счастьем. Довольствуйся малым!

* * *

Не отвергай моё тепло
Не отводи с досадой взгляда
На льдом покрытое стекло,
Скрывающее снегопады.

Не убирай моей руки
Со своего плеча небрежно.
Я знаю, в этот час тоски
Не только мне нужна надежда.

Надежда на возможность слов,
Возможность соприкосновенья,
Рождения совместных снов,
От одиночества спасенья.

Соединенье наших душ
Не выражается в процентах,
Я умоляю: не нарушь
Того, что будет так бесценно.

Пожалуйста, забудь сейчас
Свои все страхи и сомненья,
Ведь небеса вопрос о нас
Решают в данное мгновенье.

Пойми, зависит от тебя,
На сколь и от меня зависит,
Найдёт нас общая судьба
Или обманет следом лисьим.

Решайся! Я уже решил:
Любовь да не исчезнет всуе.
И долгожданный час пробил
Решающего поцелуя.

* * *

Твои миры загадочно просты,
Твои глаза полны тепла и ласки,
И детям на ночь ты читала б сказки,
А гений бы писал с тебя холсты.

Твоя душа свободна для любви
Без всяких сложных глупых философий,
И не нужны мне кокаин и морфий,
Чтобы понять все прелести твои.

Твои слова спокойны и свежи,
Легки и плавны все твои движенья.
Я отвергаю навсегда сомненья,
Скорей меня в объятиях свяжи.

Твоя улыбка — точно мягкий свет,
Заключена в ней радостная сила,
И я хочу, чтоб мне она светила
На протяженьи многих, многих лет.

* * *

Сяду в позу лотоса и открою чакры,
Внутреннего голоса буду слушать мантры.
Я верчусь без ропота в колесе сансары,
А со мною гопники и пара из гей-бара.

В этакой компании очень интересно,
Как напоминание звуки странной песни:
«Рейп ми, рейп ми, — слышится, — рейп ми, о май френд!»
В тексте песни чудится педоинтерес.

Брешь в моём сознании злой проел портвейн!
Это же «Нирвана», это ж Курт Кобейн!
Что-то медитация мне далась с трудом,
Надо бы догнаться. Догоняюсь — «Ом!»

Вот… Пошло удачнее. Я уже лечу.
Вышли мысли мрачные на приём к врачу.
Психоаналитики роются в мозгах,
Из никчёмных нытиков изгоняя страх.

Я же в просветлении, я спокойно нем,
В чудном состоянии под названьем «дзен».
Я есть воплощение общего добра,
Будда в восхищении мне кричит: «Ура!»

Я допил последнюю, чист без всяких клизм.
Люди, исповедуйте правильный буддизм!

* * *

Калигула, ребята, я Калигула!
Мне кажется, пора устроить оргию.
Сторонники религии веригами
Себя пусть мучат, а меня не торкает!

Я не хочу поститься и молиться,
Мне по душе различные соблазны,
Хочу глядеть в улыбчивые лица
И слышать только радостные фразы.

Желаю пить вино, вино и счастье,
И обнимать красавиц белокурых,
Желаю испытать все виды страсти,
Стряхнув с себя тяжёлый груз культуры.

Хочу объесться сотней удовольствий,
Пусть жизнь взорвётся ярким фейерверком,
Пусть сгинет время тусклого спокойствия,
Пускай сгорят стандарты все и мерки.

Пусть завтра будет горькое похмелье,
И мир предстанет неизбывно тусклым,
Сегодня выбираю я веселье.
И места нет апатии и грусти!

* * *

Пустыня, звук комуза, солнце книзу,
На бритых головах последний отблеск,
Табун растает в мраке тёмно-сизом,
Где слышится унылый, нудный голос.

Спокойствие безмерного пространства
Нарушить даже духам невозможно,
И не понять нам, дерзким чужестранцам,
Что действие любое в целом ложно.

Великий смысл пустоты не ясен
Тем, кто привык к наполненности глупой.
Разрушит время города и царства,
А пустота пребудет в высшей сути.

Все поиски истока и начала,
Глубинных потаённых высших истин —
Всё это только суетность вандала,
Игра никчёмных и досужих смыслов.

Святая пустота — вот сущность мира,
Его основа, чистота и ясность.
Луна, комуз, унылая пустыня,
Спокойствие безмерного пространства.

* * *

За границами судьбы,
За стеной дневного света,
В пелене осенней тьмы
Бродит грустный сон поэта.

Этот сон похож на плащ,
Чёрный плащ на фоне ночи,
Что укрыл от неудач
Души редких одиночек —

Тех, которые одни
В самой шумной из компаний,
Тех, которые больны
Грустью русских расстояний,

Тех, которым не нужна
Мишура игрушек модных,
Тех, которым не важна
Ересь пустословий злобных,

Тех, которым нужен мир,
Только мир с самим собою,
Тех, в ком совесть есть кумир,
Тех, что не любой ценою.

Вот поэтому они
Так бывают одиноки,
Чувства и мечты свои
Ночью воплощая в строки.

За границами судьбы,
За стеной дневного света,
В пелене осенней тьмы
Бродит грустный сон поэта.

ГЛАДИАТОР

Колизей переполнен, в разгаре триумф,
Плебс получит сполна и хлеба и зрелищ.
Император доволен и, щёки раздув,
Смотрит важно, улыбкою хищною щерясь.

Он опять совершил удачный поход,
И вчера по восторженным улицам Рима
Проводили в цепях покорённый народ,
Пронесли в колеснице божество-властелина.

А сегодня наш цезарь воистину щедр!
Он для всех оплатил гладиаторов игры,
И сейчас на арену, как будто из недр,
Из Аида мы вышли, а взгляды как иглы:

Нас пронзают они до самых костей
В ожидании брызг нашей проданной крови.
Мы из разных племён, всех цветов и мастей,
В боевой лихорадке воздух ноздрями ловим.

Нынче ночью приснился дурацкий мне сон,
Хоть давно я не верю ни в какие приметы,
Будто негр-нубиец по кличке Харон,
Ловко бросив, опутал меня своей сетью,

А затем мне трезубец под рёбра вонзил,
И, от боли вскричав, я проснулся в горячке.
Я уверен в себе, я хитёр, полон сил,
И всегда боевая со мною удача,

Но сегодня дерёт мою спину озноб.
«Ave цезарь!» — кричу как-то вяло и хрипло,
Я гляжу на орущий, вопящий народ,
Точно в серый поток помутневшего Тибра,

И мутится сознанье в моей голове,
Исступлённо сжимаю свой преданный гладис.
Вот мой первый противник уже на земле,
Палец вниз, в горло меч — и всеобщая радость.

На меня нападает фракиец с копьём,
Уклоняюсь и режу ему сухожилье,
Он упал, и толпа позабыла о нём —
Колизей любит смелых, удачливых, сильных.

У меня на щеке чужеродная кровь,
Осторожность в бою на секунду теряю,
И удар топора рассекает мне бровь,
Я лежу на земле и меня добивают.

И мгновение это, как вечность, длинно,
Я хоть в чьих-то глазах ищу состраданье,
Но жалеть обо мне — это просто смешно:
Моя смерть лишь игра, только лишь состязанье.

По домам разойдясь, они станут людьми:
В одиночку грустя о невзгодах и бедах,
И целуя жену, и играя с детьми,
Будут в жизнь воплощать своё высшее кредо.

А сейчас они в раже вскричали: «Добей!»
Что ж, vox populis — это известно — vox Dei.
Император, которого нету добрей,
Палец вниз опусти, заверши всё скорее!

ПРАВИЛЬНЫЙ БУДДИЗМ

Вдвоём с тобой под деревом на лавочке сидим.
Этапы недоверия почти что позади,
Сближенье приближается неотвратимо, как
Царь Одиссей-скиталец к брегам родных Итак.

Болтаем с остроумием мы о своих мечтах,
О том, что полнолуние, о путанице в снах.
Моя мечта — невидимость, твоя мечта — волна,
Какая-то наигранность во всём этом видна!

Погода поцелуйная с порывами в любовь.
«Всё понимает, умная», — себе внушаю вновь,
Но ум-то здесь не главное, а главное, хи-хи,
Обнять тебя, желанную, — и к чёрту все стихи!

* * *

Не заслужив ничего, кроме
Гастрита и сексуальных фантазий,
Приютив полнейший бардак в доме,
Не считаю себя подлецом и мразью.

Наглость — правда — второе счастье,
Но у меня и первого не видно,
Стою на обочине славы и власти,
Без денег. Если честно, то мне обидно.

Конечно, в масштабах Вселенной
Беды мои — пустяк и безделица,
Есть ведь мужчины с короткими членами,
Есть олигархи, у которых с футболом не клеится.

Однако эгоизм мой силён,
Жалость к себе через край плещет и бьёт,
Хочется, чтобы в короне и чтобы на трон,
А там — пусть нефть весь Мексиканский залив зальёт.

Карлик завистливый и злобный
Поселился, видимо, в моей душе,
А у других ангелы крыльями хлопают бесподобно,
Но те «другие» живут в районе Рублёвского шоссе!

Ладно, хватит нюниться и ныть!
Есть ведь ипотека, нацпроекты, нанотехнологии —
Остаётся выбрать в жизни правильную нить,
Чтобы после, на небесах, читать о себе пиар-некрологи.

* * *

Предназначение начала есть надежда,
Предназначенье окончанья — смысл,
А середина — это неизбежность,
А середина — жизнь,

Кастрюля, где похлёбка выкипает,
А накипь остаётся по краям,
Мы паром к потолку — и исчезаем,
Ну а посуду отмывать не нам!

Река молочная в кисельных берегах —
Пример благополучия в границах.
Как мать, судьбу не дёргай за рукав:
Она не любит плачущих капризниц.

Есть рамки, есть основы, трафарет.
Держаться их иль нет, решай по вкусу,
Чем заполнять пространство наших лет?
Довериться уму, а может, чувству?

Года горохом сыпятся на пол,
Звенят мгновенье, а потом — затишье,
И нам в дневник выводят красным кол,
Не отличив старушек от мальчишек.

И всё же наполнение важно,
Не знаю почему, но всё же важно,
Чтоб между «он пришёл» и «он ушёл»
Не оставался только прочерк страшный.

* * *

Если говорить терминами —
У меня «повышенная тревожность»:
Весь какой-то дёрганый, нервный,
И внутри непонятная сложность.

На сегодня неврозы не редкость,
И причины, казалось бы, известны:
Экология, стрессы, впечатлений бедность
Плюс раздражительность на опостылевшую местность.

Рецепт для лечения, видимо, прост:
Смена обстановки, окружающих лиц, покой,
Переключение на личностный рост,
Некоторые, правда, практикуют запой.

И многие действительно находят себя,
Меняют поприще, проявляют сноровку,
Годами в офисах усердно трубят,
А потом — бац, и на баррикады с винтовкой!

А может, и правда, послать всё к чёрту,
Уехать в какую-нибудь тмутаракань,
Как московитский посол в Оттоманскую Порту,
Уйти инкогнито, переодевшись во всякую рвань,

Заняться йогой, воду хлебать носом,
Очищать чакры и кундалини,
Завести философские взгляды и посох,
Как учителя кун-фу в китайских фильмах,

Познать истину, открыть Шамбалу,
Возвыситься духом над миром бренным,
А потом, включив сознания лампу,
Взглядом сокрушать бетонные стены.

Перспектива заманчивая донельзя,
Но не отпускают повседневность, рутина,
И никто не спасёт мои бедные нервы,
Кроме фройлен Эльзы из немецкого порнофильма.

* * *

Бывает, на меня находит блажь,
И в спор вступаю я с феминным веком,
Воображаю, в злой впадая раж,
Себя почти пещерным человеком —

Тем самым пресловутым «мужиком»,
А не аморфным сереньким «мужчиной»,
Не инфантильным «мальчиком-сынком»,
Не жиголо до женственности стильным,

А настоящим правильным самцом
С инстинктами и ловкой силой зверя,
Добытчиком, который строит дом,
Плодит детей повсюду и деревья,

Тем самым, что по внешности своей
Чуть симпатичней дикой обезьяны —
Той, что среди тропических ветвей
Срывает смело спелые бананы,

Тем, чей активный хищнический взгляд
Заставит млеть в желаньи сотни женщин,
Да и не женщин вовсе, просто баб,
Банальных самок — женский культ развенчан!

Мечты, мечты...Да, может быть, в самца
Я превращусь в мельканьи жизни-ленты,
Ну а пока в моих глазах жива
Беспомощная грусть интеллигента.

ПРОГУЛКА

На дороге привычная пыль,
Я стою со спортивной газетой,
Середина обычного лета,
И на море, наверное, штиль.

Только я не на море отнюдь —
В центре города Новосибирска,
До ближайшего моря не близко,
Но не в этом истории суть.

Суть истории очень проста:
У меня начинается отпуск,
Я несу неуклюжий свой корпус
Сквозь знакомые взгляду места.

На зелёный сигнал светофора
Начинаю движенье вперёд,
Мимо мчится спешащий народ,
У меня перед ним своя фора —

Мне сегодня спешить не резон,
И неспешность, не скрою, приятна,
В ней свобода читается внятно,
Впереди ждёт беспечный сезон.

Прерываю дорогу в кафе,
С кружкой пива сажусь под навесом,
На прохожих гляжу с интересом
Самым праздным, ведь отпуск в графе

Расписания дней моей жизни.
Напряженье рабочих недель,
Повседневных забот канитель
Оставляют меня бескапризно.

Тротуаром стучат каблучки,
Сарафаны девичьи прозрачны,
Лето будет игривым и дачным —
Прикупить очень нужно очки

Для защиты от яркого солнца.
Мысли радостны и веселы,
Посетители движут столы,
Я бокал допиваю до донца,

С неохотой вальяжной встаю,
Не спеша продолжаю движенье.
Мой читатель, тебе уваженье,
Коль поддержишь прогулку мою.

А она с каждым шагом вперёд
Всё сильнее лишается цели,
Но в запасе моём есть недели,
Так что цель, так и быть, подождёт.

На ступеньках свои номера
Демонстрирует парень на скейте,
Будто бы говоря мне: «Сумейте!»
Не сумею, но что за беда.

Прохожу мимо парка, а там
Карусели и аттракционы,
У фонтана цепочки влюблённых
И коляски молоденьких мам.

Оглядев их, решил для себя:
В одиночку гулять не годится,
Этим летом мне нужно влюбиться —
Вот так мысль в завершение дня!

* * *

Как румынская мамалыга,
На душе навязает слабость.
Жизнь не хочет держать интригу
На пути к дефиниции «радость».

Мрамор выстрадал воплощенье
В идеальный греческий портик,
В чёрном чае смочив печенье,
Мнётся в кресле английский лордик.

Полигоны не ждут учений,
В трактористов не верит пашня.
Кроме нескольких исключений,
Мир черствеет, как хлеб вчерашний,

В опломбированном вагоне
Кто-то вывез остатки смысла,
У спешащей в гнездо вороны
В голове лишь простые числа.

Подкрути в механизме гайки,
Если знаешь его устройство,
Закажи себе надпись на майку
Со словами «Ищу беспокойства!».

Балаганы да балагуры
Подвязались нащупать повод,
Но в отсутствие всякой цензуры
Шея ищет покрепче провод.

Настроения как проститутки:
Также ветрены и корыстны,
И, меняясь по сто раз в сутки,
Мне несут бессердечный приступ.

* * *

Опять в глазах мелькают эполеты,
В бокалах снова пенится «Клико»,
Вновь молоды великие поэты —
Им до дуэли нынче далеко.

Усы развесив, точно как знамёна,
Гусары смело атакуют дам,
Гвардейцы — украшение салона,
И декабристы тоже где-то там.

Знакомые мелькают всюду лица,
Ночь напролёт, до утренней зари,
С улыбкою английских властелинов
Онегин кружит в вальсе Натали.

* * *

Натужно, с напряженьем шейных жил
Кричал в толпу оратор краснолицый
Ту истину, которой он служил,
Ту правду, с коей надобно сплотиться.

Он был горяч и искренен в тот миг
И в правоту свою, бесспорно, верил —
Пророк, сменивший грешный свой язык
На жало, чтоб завидовали змеи.

Но пафос его чужд моей душе,
Слова его мне сердце не терзали.
Не верю я словам о доброте,
Что произносят с злобными глазами.

* * *

Снегири на заиневшей ветке —
Как сюжет новогодней открытки,
Им зима хлебной крошкою редкой
С неба мерно снежинками сыплет.

Снегопадом уходят мгновенья —
По чуть-чуть, потихоньку, бесшумно,
А метелью заносит сомненья
В том, что всё в этом мире разумно.

«Не ищи в простоте снегопада
Высших смыслов. Не надо, не надо!» —
Тщетно сам я себе говорю

И, возможно, стократ повторю...
Только снова к познанию истин
Позовёт вешний шум новых листьев.

* * *

Место, где я буду счастлив,
На картах географических есть ли?
Карты гадальные счастья условия
Выскажут мне или нет словом «если»?

В книгах учёных, живущих в шкафах,
Будут ли найдены мной некие смыслы?
Кто-нибудь свыше желанья мои и мечты,
Пусть отдалённо, пусть искажённо, всё-таки слышит?

Марки напитков и трав, дающих веселье,
По-дружески, наедине подскажет мне кто-то?
Как на Земле оставить живые следы?
Сколько для этого нужно усилий, душевной работы?

Способ, которым любовь заслужить можно,
Есть или нет? Если есть, то в чём он?
Много вопросов сидит в голове,
Вместе со мной до конца проживать обречённых.

* * *

Последние остатки здравомыслия
С бубульканьем лились ко мне в стакан.
Судьба, подобно юной архивистке,
Впервые потребляющей кальян,
Со смехом разбросала по округе
Листы моих неясных личных дел:
Ни дома, ни машины, ни супруги
Я к тридцати годам не заимел.
Вокруг жила, почти мне параллельно,
Большая неизвестная страна
С синдромом постоянного похмелья
От выпитого давеча вина.
Ей грезился счастливейший футурум
В уверенных посулах из верхов,
В которые поверят разве куры
Да несколько учёных дураков.
На Запад убегало снова солнце —
Извечный наш российский ренегат,
Я наблюдал его побег в оконце,
Туманен и расплывчив был мой взгляд,
Но не было в нём горечи фальшивой
По русским позаброшенным полям.
Среди поэтов нынче мой любимый
Не кто-нибудь — старик Омар Хайям!

* * *

Прощаясь с тишиной,
Я отправляюсь в день,
Что будет там со мной,
Не знает даже дверь,
Которую сейчас
Одним толчком руки
Я вскрою, точно пласт
Забытой мной строки,
Лежащей в глубине
Души, среди бумаг,
Придуманной во сне
И сброшенной в овраг,
В овраг моей судьбы,
Чьё будущее — дверь,
Что сдастся без борьбы
И проскрипит: «Проверь.
Проверь и посмотри»,
И время потечёт.
Оставив мир внутри,
Я сделаю просчёт.
Убыток мой велик,
Невыразим числом,
Я вышел лишь на миг,
Но вечность я в чужом,
В чужом себе и вам,
Где ищем мы своих,
Не зная, что обман —
Искать себя в других.

* * *

Музыка кончилась. Век этот ломан и нервен.
Лопнуло что-то в натяжке усталых пружин,
В яблоке мысли гнездятся сомнения черви:
Это не подлинник, даже, увы, не репринт.

Мазью Вишневского ты не залечишь ожога:
Он нанесён равнодушьем, отнюдь не огнём.
Вечер уходит, закутавшись в алую тогу, —
Нет ни слезы, ни дождя, чтоб заплакать о нём.

Музыка кончилась. Проданы дёшево ноты,
Капель сердечных давно не выписывал врач.
Ну, обернись, как супруга библейского Лота!
Там распинает твой мир неизвестный палач.

Нет. Поворот головы, как любовь, невозможен.
Что позади — то пускай рассыпается в прах.
Чувства изъяты сотрудником строгой таможни,
Пронесены контрабандою горечь и страх.

Музыка кончилась. Пюпитры уносят со сцены.
От фейерверка — бутылка с прокисшим вином.
И Афродита не выйдет на берег из пены
И не согреет тебя бескорыстным теплом.

Ночь застилает уже темноты покрывало,
А в изголовье ложится опять тишина.
Музыка кончилась? Музыки в мире не стало?..
Что ж, если так, всем желаю спокойного сна.

* * *

Всё за ручку? Точно детский садик!
На дворе уж двадцать первый век,
Революций сексуальных сзади
Было столько, что числа им нет.
Уж давно продвинутые люди,
Не разведав имени, в постель
Погружают тело, точно в руды
Постояльцы шахтовых клетей.
Под луною кто вздыхает ночью,
Составляя список видных звёзд?
К архаизмам термин «непорочность»
Наш словарь давно уже отнёс.
Ты ещё гадаешь по ромашке,
Рвёшь цветку нещадно лепестки?
Ну пойми, что это день вчерашний,
Нынче отношения легки:
Никакого томного молчанья,
Недомолвок, вычурных стихов,
Секс — вершина первого свиданья,
Тратить время — роскошь дураков!
Слушая набор моих сентенций,
Ты вздыхаешь грустно и молчишь.
Трудно достигать с тобой конвенций,
Старомодность враз не победишь.
Что же делать? Я опять смиряюсь,
Осторожно взяв твою ладонь,
Взглядом вновь с тобой соприкасаюсь,
Как влюблённый давешних времён.

* * *

Кури марихуану, Марадона!
Душа, надень пуанты — и в балет.
В мою постель спустись с небес, Мадонна,
Зажгите солнце и добавьте свет!

Сорви струну в надрыве высшем, скрипка,
Подлейте масла в жизненный огонь,
Ныряй в мой невод, золотая рыбка,
Удача, падай слитком мне в ладонь,

В моё окно врывайтесь, злые ветры,
И уносите серость дней пустых,
Асфальтом застелитесь, километры
Судьбы, что часто била мне под дых.

Намажьте сумасбродством бутерброды —
На завтрак, вместе с джемом беспокойств,
Их жадно съем, поправ тупую моду
На муторный кисель безвкусных свойств.

Дождя слезами плачь бесстыдно, небо,
И улыбайся радугой затем.
Коровка божья, ввысь лети за хлебом
И за ответом на вопрос «зачем?».

* * *

Мы пилим ножовкою мысли, пилою извилин
Какие-то гири. «Наждачкой» души полируем,
Со лба забывая стирать горячие струи.
Мы режем холодный металл с надеждою страстной,
Как будто невежды — никто никогда после нас
И не было прежде. Одежды срываем небрежно,
Они нам мешают работать. И отдыха мышцам не надо,
Пусть день и субботний. Нам некого чтить —
Мы кумиров себе не творили. Нам нечем креститься,
Ведь заняты руки — мы пилим.
Мы были. Мы были пусты, как мешки после хлебного сева.
Мы были бесцельны и шли кто на юг, кто на север.
Мы плыли. Мы плыли течением вод в отстойник клоаки.
Мы выли, как воют в безлунное небо слепые собаки.
Мы жили, ходили и спали, сидели и ели,
Мы не различали, где Гитлер, где Сталин, какой день недели.
Мы знали. Мы знали себя в пределах телесных,
В пределах странички «В контакте» и скачанных песен.
Надрывы нам были чужды, как чужда мусульманам свинина,
И красками серых домов мы писали картины.
Мы гнили. Пусть сказано жёстко, но чистая правда.
Мы пылью лежали на полках судьбы без права на завтра.
Однажды, проснувшись в четыре утра или ночи,
Мы поняли: время уходит жестоко и точно,
И, возле кровати увидев пудовые гири,
Мы всё осознали и ныне без устали пилим.
Стирая до крови напильником слабые пальцы,
Теряя жиры, углеводы, белки, даже кальций.
Мы пилим без пошлой мечты, что они золотые,
А лишь потому, что все высшие смыслы простые,
Все высшие цели понятны, ясны и открыты,
И правду не скроешь особой трактовкой событий,
И лезвие лезет упрямо и зло к сердцевине,
Идти до конца и нельзя повернуть в середине.
Границы мечты беспредельны, но есть закавыка —
Мечту по себе отыскать, и методом тыка
Мы ищем себя в разных текстах, рисунках и стилях;
И главное, ночью и днём — мы пилим, мы пилим!

* * *

«Ваш диван не пахнет кожей!» —
Скажет каждая собака,
Обладающая нюхом,
Поднимающая лапу
Возле старого забора,
Где написано три слова
Неизвестным человеком,
У которого вчера
Было время для прогулок
С непонятною девчонкой,
Ну а после было время
Для заборного письма...
Возвращаемся к дивану
И шикарным модным шторам,
Ко всему, что воплощает
Ваш достаток и комфорт.
Помню, в сказке был зелёный,
Очень добрый аллигатор,
Звали все его Геннадий,
Он дарил влюблённым торт.
Вывод ясен: будьте проще —
И потянутся к вам люди!
Шторы шторами, но всё же
Мир спасает доброта.
Нет, я вовсе не ошибся
С Достоевского цитатой,
Просто поделился мыслью...
Мысль ведь это не беда?!

* * *

Читка морали давно устарела,
Я допиваю своё «Каберне»
Трёхсотрублёвое. В этом ли дело?
Истина, право, давно не в вине!

Истины нет. Это скажет вам каждый
Бравший ноздрёй постмодерновый кокс.
Утро, и вновь под диван я залажу,
Тщетно ища свой утерянный «сок».

Баллы ЕГЭ позволят кому-то
Атаковать высоту МГУ —
Всё это умно и столько же глупо:
И Эс Тургенев, Герасим, Му-Му…

Иерихон был разрушен трубою,
Гибнет желудок лапшой «Доширак»,
Все называют кривую прямою,
Все опасаются злобных собак,

Кроме рекламных, не делают пауз
И в кинотеатрах глотают попкорн.
Боже, Аллах, Дед Мороз, Санта-Клаус,
Дайте хотя бы какой-то закон!

* * *

Нелюбовь к ярким краскам
Проникает тихонько вовнутрь.
Мягче к стареньким сказкам
Постепенно становится грудь.

Поглядишь философски —
И окажешься как-то добрей,
Жизнь лишь лёгкий набросок
Без деталей и светотеней.

На безрыбье Пелевин
За Толстого, пожалуй, сойдёт,
Старый добрый Каренин
В пустоту, как Чапаев, уйдёт.

Не печалься, не стоит!
Даже если уже не стоит.
Всё тщета и пустое:
Импотенция, совесть, гастрит.

Всё проходит, и это,
Нет сомнения, тоже пройдёт,
Как закончится лето
И закончился съеденный торт.

* * *

Из материнской утробы
На Божий свет...
Простынь белей сугроба,
А в чём секрет?
Тайна какая в этом
Деле простом?
Что здесь пойдёт сюжетом,
Станет холстом?
Есть ли звезда на небе?
Вроде горит.
Как накормить всех хлебом?
Небо молчит.
Значит, не хлебом единым
Держится дух,
Тот, что с отцом и сыном.
Сыпется пух,
Пух снеговой, перинный —
Мягко, тепло.
Что человек есть? Глина,
Кроме того —
Несколько капель влаги,
Слёзы, душа.
Что человеку благо —
Нам ли решать?
Не ожидает небо
Нашей хвалы,
Но всё равно приедут
К яслям волхвы.
В мире для пасторали
Места клочок.
Мало ли мы старались?
Брось, дурачок,
Брось, дурачок, вопросы —
Этой зимой
Дева вплетает в косы
Звёзды с луной.

Дева была, а ныне
Скажет нам Мать:
«Главное — выбрали имя.
Баю-бай, спать».

* * *

Я здесь живу и осязаю мир
По большей части в пластиковых окнах
Различных кабинетов и квартир,
Забыв почти о времени и сроках.
Мне этот заоконный мир даёт
Всё меньше оснований для рефлексий,
Он безразличен мне, как тот Пол Пот —
Кровавый кампучиец, но из лекций,
Не из реалий, лезущих в нутро,
А лишь конструкт сознания бесплотный.
Ни холодно, ни жарко, всё равно —
Реакция на мир и на Пол Пота.
Я не высокомерен. Бог, спаси
Цедить сквозь зубы злобные насмешки,
Но к жизни интерес не возвести
К вершинам бабушек, на лавочках без спешки
Грызущих семечки и знающих о всех
Своих соседях каждую подробность.
Бацилла равнодушия есть грех,
В меня проникла. Есть у ней способность
Распространяться быстро в наши дни,
Плевав на яркость событийной ленты —
Так в бурных имитациях любви
Латентные сокрыты импотенты.
Устав от всей кричащей мишуры,
Не разглядишь алмаз среди породы,
И скепсис зарождается внутри
И убивает жизни вкус природный.
Уже не видишь боль других людей,
Уже не слышишь искреннего смеха,
Быт обнимает ровно, без затей,
Как шуба из искусственного меха.
За равнодушье, вшитое в меня,
Мир платит равноценною монетой.
О, Диоген, не зажигай огня!
Здесь много неестественного света.

ГАМЛЕТ

Дождь убивал настроение в корне,
Каменный замок, изъеденный плесенью,
Не намечалось глобальной реформы,
Да и вообще ничего интересного.

Призрак отца в коридорах расхаживал,
А в голове поселялось отчаянье,
И возникали вопросы всё страшные —
Бедный мой, бедный, глупый датчанин.

Я понимаю, можно свихнуться,
Вообразить ерунду несусветную —
Подленький дождик ходит по улице,
И Розенкранц с — как его — Гильденстерном.

Ты начинаешь чудить помаленечку
И убиваешь кого-то нечаянно.
Просто такое тусклое времечко,
Бедный мой, бедный, глупый датчанин.

* * *

Сладкие строки забытых эпох,
Слов совершенство бьётся в экстазе.
«Вот же умели!» — радуюсь фразе,
Чувствуя кожей душу стихов.

Жители разных республик и царств,
Тени давно ушедших столетий,
Сколько своей поэтической сетью
Вы охватили звёздных пространств!

Как, не имея гроша за душою,
Битые властью и смехом толпы,
Мыслей нам щедро дарили цветы,
Щедро делились своею мечтою.

* * *

Как гарсоны от столика к столику,
Ветры носятся между деревьев,
Пьяный фокусник, вытащив кролика,
Сам в удачу свою не поверил.

Продержавшись два месяца с лишком,
Закурил по площадке сосед,
Разонравился плюшевый мишка
Юной Свете, ведь ей уж шесть лет.

О своём назначенье задумался
Футболист третьей лиги Попов:
«Может, дворником выйти на улицы?
Пять сезонов прошло без голов».

С однозначным диагнозом «язва»
Шёл домой холостяк Михаил,
И жениться почти что два раза
Он себя по пути убедил.

У словесницы Анны Григорьевны
Аллергия на слово ЕГЭ,
Но часы репетиторства дороги —
И она покорилась судьбе.

Все мы люди, все человеки,
Не изюмная булочка жизнь.
Меж нуждой и желаньем от века
Ищем мы для себя компромисс.

* * *

Очень хочется тонкости,
До ранимости чтоб,
И пуантовой лёгкости
К небу рвущихся стоп,
Запредельной надрывности,
Отречённой судьбы,
Безграничной наивности,
Но увы, но увы...

* * *

Когда бы не учителем из Энска я был,
А, например, британским принцем,
Учился в академии военной и соблюдал ревниво файф-о-клок,
Женился на прославленной пловчихе
Из бывших многочисленных колоний,
Сиял бы обаятельной улыбкой и посещал уимблдонский корт,
Тогда б, пожалуй, чёрный далай-лама, кусая свежий минский круассан,
Писал посты на суахили в «Твиттер» и объявлял бы Сирии войну,
А знаменитый чукча-сайентолог взамен моржа гарпунил крокодила,
Про бизнес свой издал успешно книгу, и, уж конечно, точно не одну;
Тогда бы солнце с запада вставало, и на востоке солнце заходило,
Чуковский сочинил бы «Калевалу», где Вяйнемейнен был бы Айболит…
Но я до аномальности нормален, живу в реальном и стандартном мире,
Где все мы обитаем мал-помалу и где душа давненько не болит.

* * *

Звёздной солью сдобрив пресность неба,
Режу к коньяку лимон луны.
Ночь легла на город чёрным хлебом,
Грубо насыщая наши сны.

В спальной тишине глухих кварталов
Раздаётся пьяной ссоры крик.
В книгах дремлют гунны и вандалы,
А сейчас для них бы самый шик.

Со страницы вырваться ордою,
Распугав водил ночных такси,
Грянуть очищающей бедою
По просторам матушки Руси,

Чтобы зажигался истерично
В окнах полуночных яркий свет,
Чтобы даже липовый больничный
Не продлил пустых никчёмных лет,

Чтобы искры от подков летели
Выше ламп сутулых фонарей,
Чтобы стало жаль тебе в постели
Прожитых лениво мелких дней.

Пусть звериный хохот раздаётся
По округе, точно божий гром,
И толпа несметная несётся,
Вихрем всё сметая, а потом…

Тишина, и я опять вкушаю
Кислый отрезвляющий лимон.
Варвары восточных полушарий
Тают в дымке утренней, как сон.

* * *

Художник зол. Заросши бородой
Табачно-золотистого оттенка,
Он третий день питается водой
И сотворяет мир на серой стенке.

Он пишет углем лица и дома,
Зверей, цветы, пространства и планеты.
Он сходит иль уже сошёл с ума,
Не замечая смены тьмы и света,

Что происходит в мире за окном —
В его мирах остановилось время.
Он здесь Спаситель, хлебом и вином
Крепящий им посеянное семя.

Он созидатель жизненных начал,
Он воплощает яростно и гневно
Смешение нирваны и вальхалл,
Соединенье рая и геенны.

Он смертный бог — никто не обещал
Утешного для сердца воскрешенья,
Но угль сжимает прочно пальцев сталь,
Растёт картина книги откровенья.

Мучительно и вместе с тем легко
Рождается невиданное что-то.
Подобна отпущению грехов
Художника суровая работа.

Не славы для, не почестям в посул
Стена квартиры видится Вселенной,
А лишь затем, чтоб после, сев на стул,
Сказать: «Сойдёт!» — и снова лезть на стены.

* * *

Снова в городе тает снег,
В зимней куртке весьма тепло.
На дворе двадцать первый век,
Я гляжу в него сквозь стекло.
Двадцать девять — маршрут такси,
Мне за тридцать: судьба, неси!..
Не судьба, так года несут,
Не года, так дома — не суть.
Вот работа, вот мой подъезд,
И покуда не надоест —
Остановки туда-сюда,
Тает снег, наступает грязь…
Если в целом, то жизнь — вода,
Если в частности… Нет, не влазь!
А в кармане моём пятак,
А вверху надо мной — чердак.
Очень хочется закричать:
«Нарисованный ваш очаг!» —
Но лежит на губах печать —
Воспитанье велит молчать…
Всё к тому, что опять весна
Пролагает свои пути.
Роль моя здесь не так важна,
Но куда же тогда пойти?
Мармеладовым наших дней,
Как и встарь, не найти путей.

* * *

Мой дед был плотник, и в родном селе
Рубил он «в лапу» избы и сараи.
Они стоят и нынче на земле
И до сих пор о нём напоминают.

Мой дед с трудом расписываться мог:
Корявой строчкой в трудовую книжку
Фамилию вписал, но точно в срок
«На мох» дома он ставил, как коврижки;

Говаривал: «Вот виден наш покос»,
По воскресеньям выпивал рюмаху,
В крестьянскую работу прочно врос,
Как в выходную белую рубаху.

Я внук его. Я в городе живу,
Преподаю историю и право,
Стихов узоры весело плету
И быть довольным всем имею право.

Но по ночам порой один вопрос
Внутри меня скребёт и сердце мучит:
«Василь Егорыч, виден мой покос?»
Ответа нет, пока что не получен.

* * *

Еще два дня зимы
И жизни сорок лет.
Из заоконной тьмы
Влезает в дом рассвет.
Без всяких слёз и грёз,
Обыденный, как снег,
И задаёт вопрос:
«Чего ждёшь, человек?»
Вопрос, как в сердце нож,
И что тут отвечать?
На кухню ты идёшь,
Чтобы поставить чай.
Из крана бьёт вода,
Задумчиво молчишь.
Вода, еда, года...
Бессмертье, говоришь?
В округе тишина,
И в утреннем бреду
Ты в сторону окна:
«Я ничего не жду».

* * *

От Литтл-Бигхорна и до Вундед-Ни
Мустангом по прерии мчат наши дни.
Лишь только вчера трепетали враги
Твоей беспощадной и сильной руки,
У воинов в сердцах разгорался огонь,
И вёл их в атаку вождь Бешеный Конь.
И синих мундиров поверженных стон,
А в нём твоё имя — Сидящий Бизон.
Свободное племя в свободном краю —
Лакота победную песню поют.
А нынче, а нынче бездонная ночь,
И сам ты себе не в силах помочь.
Во всех резервациях слышится плач,
Закон бледнолицых — суровый палач.
И в звёздные типи, пронзённый штыком,
Ушёл к духам предков вождь Бешеный Конь.
А ты получаешь свой рабский паёк,
И палец не в силах нажать на курок.
Здесь белый — хозяин, индеец — никто.
Пустует твоё боевое седло.
Над временем видно нам верха не взять,
Но Бык до конца донесёт свою кладь.
Он гордо заявит: «Здесь наша земля!
И горло не сдавит мне страха петля!»
Пусть пуля слова его резко прервёт,
Но ветер свободную песнь допоёт…
Пусть жизнь всех несёт нас к ручью Вундед-Ни,
Но смело, мой друг, проживём наши дни!

* * *

Не бодрись, не станет лучше.
Жизнь унынием полна.
Радость — ветреная сучка
Убегает, как волна.

Смеха комната пустует,
Страха комната полна.
Говорят, что существует
Плача целая стена.

Как забить на сердце тяжесть?
Алкоголь? Наркотик? Бредь!
Как забудешь, что однажды
Каждый должен умереть?!

Так давайте опускаться,
Так давайте раскисать.
Я в отчаянии, братцы.
Силы больше нет писать.

* * *

Деревня, лето, скошенной травы
Волнующий и ароматный запах.
И облака, вальяжные, как львы,
Клубками шерсти, как в кошачьих лапах,
Застряли в васильковых небесах,
А выбираться вовсе нет желанья.
Лесной клубники сладость на губах
И радость от того, что мирозданья
Частица я и ты, конечно, тоже.
Нам далеко до дряхлых, тусклых лет.
Мы солнца в миллиарды раз моложе,
И долго будет литься ясный свет
Из наших глаз и от улыбок наших.
Мы будем этот вкусный воздух пить,
Плести венки из радостных ромашек.
Мы будем жить... Мы просто будем жить.

* * *

Поднимаешься с постели
Под будильника трезвон,
Начинаешь поиск цели:
«Где вы, мистер Ливингстон?»

Утро — молодость и дерзость,
Время свёртыванья гор.
Стэнли проявляет резвость,
Не читал про nevermore.

Сутки движутся к разгару
Ворохом никчёмных дел,
И во взгляде меньше жара:
«Ну бывает, very well».

Замедляется движенье,
Дёргают со всех сторон,
Появляются сомненья:
«Есть ли мистер Ливингстон?»

Вечереет, нет удачи,
Дом, работа, жизнь сквозь сон.
В промежутках, чуть не плача:
«Где вы, мистер Ливингстон?!»

Ночь всё ближе, как расплата
За прошедшие года.
Боже, мы ли виноваты?
Ливингстон ответит: «Да!»

* * *

Плачу о судьбе постылой
Средь сибирского села:
«Почему же негром милым
Мать меня не родила?»

Я б движенье блэк лайвз мэтэ
Крепкой поддержал рукой
Да ещё бы полуметр
Бонусом носил с собой.

В злободневности разрезе
Чернокожесть — жирный плюс,
И курчавый волос лезет
Из души моей, клянусь!

Верю я, мой предок дальний
Вдоль по Африке бродил.
Рэпер был он гениальный —
Конго покорял и Нил.

Пушкин тоже наш был, братцы,
Слова русского отец.
Свёл его в могилу «нацик»
С подлым именем Дантес.

Только телом я не чёрен,
Сердце бьётся цвета «блэк».
Выбирать цвет сердца волен
Каждый русский человек!

Выбор мой, быть может, спорный.
Кто-то скажет: «Так нельзя!»
Но завидую я чёрным
Белой завистью, друзья!

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Куравский. Эра Тотального, или Последний крик приговорённого к счастью 3

«Или, Или, лама савахфани, — отпусти в закат...» 11
«И третья справа тоже не она!..» 12
«Яша, ты же в сущности ребёнок!..» 13
«Несерьёзные мысли в моей голове...» 14
«Чем контрацепция души нарушена?...» 15
«Под ногами вертится Земля...» 16
«Коль веку послушен — изволь уж за ним по пятам...» 17
«Я бросаю пельмени в кипящую воду...» 18
«Последний ряд и первый шанс...» 19
«Сделав крылья из ветоши...» 20
«Ностальгия по будущему...» 21
Олигархическое 22
«Холодно, темно. На остановке...» 22
«Границы разрушены — полный разгром...» 24
«Плюётся страстью эта ночь...» 25
«Недостатком тестостерона...» 26
«Моя жизнь — это берег слоновой грусти...» 27
«Пастухи и пастушки...» 28
«На песке след пустоты...» 29
«Я нахожусь здесь. Здесь и сейчас...» 31
«Когда снежинки с чёрного пальто...» 32
Эра тотального счастья 33
«Не отвергай моё тепло...» 34
«Твои миры загадочно просты...» 35
«Сяду в позу лотоса и открою чакры...» 36
«Калигула, ребята, я Калигула!..» 37
«Пустыня, звук комуза, солнце книзу...» 38
«За границами судьбы...» 39
Гладиатор 40
Правильный буддизм 42
«Вдвоём с тобой под деревом на лавочке сидим...» 42
«Не заслужив ничего, кроме...» 43
«Предназначение начала есть надежда...» 44
«Если говорить терминами...» 45
«Бывает, на меня находит блажь...» 46
Прогулка 47
«На дороге привычная пыль...» 47
«Как румынская мамалыга...» 49
«Опять в глазах мелькают эполеты...» 50
«Натужно, с напряженьем шейных жил...» 51
«Снегири на заиневшей ветке...» 52
«Место, где я буду счастлив...» 53
«Последние остатки здравомыслия...» 54
«Прощаясь с тишиной...» 55
«Музыка кончилась. Век этот ломан и нервен...». 56
«Всё за ручку? Точно детский садик!..» 57

«Кури марихуану, Марадона!..» 58
«Мы пилим ножовкою мысли, пилою извилин...» 59
«Ваш диван не пахнет кожей!..» 60
«Читка морали давно устарела...» 61
«Нелюбовь к ярким краскам...» 62
«Из материнской утробы...» 63
«Я здесь живу и осязаю мир...» 65
Гамлет 66
«Сладкие строки забытых эпох...» 67
«Как гарсоны от столика к столику...» 68
«Очень хочется тонкости...» 69
«Когда бы не учителем из Энска я был...» 70
«Звёздной солью сдобрив пресность неба...» 71
«Художник зол. Заросши бородой...» 72
«Снова в городе тает снег...» 73
«Мой дед был плотник, и в родном селе...» 74
«Еще два дня зимы...» 75
«От Литтл-Бигхорна и до Вундед-Ни...» 76
«Не бодрись, не станет лучше...» 77
«Деревня, лето, скошенной травы...» 78
«Поднимаешься с постели...» 79
«Плачу о судьбе постылой...» 80

Яков Сёмочкин
Эра тотального счастья

Художественное издание

Литературный редактор: Наталья Астанина

Дизайнер: Святослав Одаренко

ЗДЕСЬ.
СВОБОДНАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА

zdespublishing@gmail.com
facebook.com/zdespublishing
vk.com/zdespublishing

Подписано в печать 1 августа 2020 г.
Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 1,9. Усл. печ. л. 5,25.
Гарнитура Solomon Sans. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ВТО»
г. Новосибирск.